«Не приведи бог видеть русский бунт…»

О повести Александра Цыганова «Курдюг» (Современная исповедь)

Вологодский писатель Александр Александрович Цыганов прошёл суровую школу жизни, поэтому не случайно его учителем в трудном деле писательского мастерства является Фёдор Михайлович Достоевский. Об этом свидетельствует его книга повестей и рассказов «Помяни моё слово» (Вологда, 2018), наиболее полно представляющая его творчество. Но вот появилась его новая повесть с несколько зловещим названием «Курдюг», как отметил сам автор. Это произведение написано настолько густо, настолько многопланово, что вызывает у внимательного читателя множество мыслей и чувств. Смысловая глубина и сердечное осмысление событий в этой повести требуют достаточного времени для её правильного восприятия. Сюжет подобен беспощадному огню, который жжёт ужасом жестокого преступления и насилия. Эта огненность подчёркивается и невероятной для северных краёв жарой, которая пытается уничтожить всё живое в тот день, когда происходят описанные события. И вместе с тем в повести светит благодать честного человеческого сердца, способного и в бедственной ситуации оказать милосердие даже врагу, даже преступнику, рискуя при этом потерять собственную свободу и благополучие.

На первый взгляд покажется странным, но эта повесть о событиях в колонии усиленного режима в вологодском посёлке Курдюг напомнила мне повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Дело в том, что А. А. Цыганов продолжил русские православные традиции, которые так ярко проявились в этой повести А. С. Пушкина. Во-первых, это отношение к насилию и бунту. Всем известны слова Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Правда, в повести А. А. Цыганова взбунтовался только один человек: не вытерпев постоянного унижения и отстаивая своё человеческое достоинство, он убил обидчика – закоренелого преступника – Серёгу Кожевникова. Но что особенно страшно: он, этот убийца, – осуждённый Витька Трошин – был самым смирным и работящим. Русский человек долго терпит, но бунт его – беспощаден.

Во-вторых, повесть А. А. Цыганова, так же как и повесть А. С. Пушкина, проникнута мыслью о единстве русского народа перед лицом истины, несмотря на гражданские междоусобицы. Так же как честный молодой человек Гринёв в «Капитанской дочке», главный герой повести Цыганова, оказавшись среди «разбойников», должен сделать нравственный выбор и при этом «не разминуться с совестью». И этот герой повести – лейтенант, начальник отряда осуждённых, поступает по совести даже по отношению к преступникам и духовно побеждает их. Следует отметить, что эта нравственная основа человеческих отношений – очень значима для нашего времени, когда наш народ

пытаются разделить на кланы, секты и партии. Тема объединяющей силы совести и правды, которые не умирают в человеке даже в самых страшных обстоятельствах, звучит во многих произведениях писателя А. А. Цыганова.

Вместе с тем отметим, что стиль и язык повести «Курдюг» не является эпическим, как в повести «Капитанская дочка» Пушкина. Автор использует художественные приёмы сказа и психологического повествования – исповеди, как он сам отмечает в подзаголовке к названию своего произведения. Художественное содержание повести построено на принципах обратной перспективы, по терминологии Павла Флоренского. В силу этого роль читателя в воспроизведении сюжета и его осмыслении значительно повышается – требует от него более тесного сопереживания, сердечного сочувствия и даже соучастия в событиях. А это, в свою очередь, толкает читателя к значительному эмоциональному напряжению, на которое не каждый из нас способен, в силу развившихся в последнее время у русского человека теплохладности и малодушия. К сожалению, в последние времена люди привыкают поступать так, как велит им военный или чиновничий мундир и предписание начальства, а не Совесть и Истина.

Таким образом, повесть А. А. Цыганова «Курдюг» своим огненным сюжетом и горячей исповедью главного героя призывает нас услышать грозное пророчество апостола Иоанна Богослова в «Откровении» (ст. 15-16): «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну из уст Моих».

Людмила Яцкевич,
доктор филологических наук, член Союза писателей России

Курдюг

Повесть

(Современная исповедь)

…ведь он носил мундир и был солдат.
Г. Х. Андерсен,
Стойкий оловянный солдатик

I

– Дуй к себе живо: «мокруха» в зоне, – передо мною предстал разъярённый прапор Псарёв из дежурного наряда по колонии. – У тебя прямо в отряде Кожаного «загасили»! А я пока за медиком слетаю!

И служивый взял курс к жилым баракам возле стрельбища, что рядом с питомником для сторожевых собак, – в сторону места проживания поселкового эскулапа, почём зря деревянные мостки под каблуками забрякали. Только что своими хромачами едва дверь моего жилища на раз-два не вынес, ходуном ходила. Но если человеку после ночного дежурства удалось всего часа четыре от силы подушку «придавить» – разом было и не сообразить, что с обратной стороны блажил, – надрывался от собственного крика лагерный дежурный.

Дальше я в два счёта прыгнул в форменное обмундирование и по таким же тесово-хлябающим мосткам без оглядки наддал ходу к самой зоне, отделённой от посёлка сотрудников высоченным забором с калёной колючкой по всему периметру территории и часовыми на вышках, с утра любодорого подсвеченными летне наступающим днём.

За громадными железными воротами – на десятки вёрст окружённая со всех сторон непроходимыми лесами, сокрыта ото всего мира колония, чётко разграфлённая, ограниченная и, вернее верного, неподступно охраняемая.

Сразу от зелёных караульных ворот – обшарпанно-синяя дежурка для наряда сотрудников. Этот линялый утлый домик – вахта дежурного по колонии – с неизменным постоянством производит удручающее впечатление на любого, всяк сюда входящего. Внутри всё подряд покрашено такой тёмно-зелёной краской, что она кажется даже чёрной, придавая ещё большую муторность помещению. День и ночь – сутки прочь – вверху под железной сеткой меркнет, – тускло светит разбухшая шахтёрского вида лампочка.

В дежурке первая комната с переборкой занята контролёром из конвойной роты, во второй – через порог – сам дежурный с расколотым телефоном на кособоком неказистом столе, а последняя – с громоздким топчаном и ржаво-облезшим сейфом, настежь распахнута, глаза бы не глядели.

Дежурный, исполински большого вида мрачный хохол Коля Рева, пожинающий лавры в отгадывании кроссвордов не по смыслу, а лишь по неприхотливому опыту заполнения пустых клеток, даже не чичкался, – от порога и кивнул мне на жилзону: мол, шуруй к себе в отряд, на месте разберёшься. Сами с контролёрами и носа из дежурки не высунут: знамо дело, своя рубашка ближе к телу.

Без лишних разговоров я вышагнул на плац, выстланный, как и вся зона, сплошь досками, и наладился, что по полу, в направлении «запретки», – к дальнему, будто бы нерушимая стена, забору с караульной вышкой на углу.

Кругом всё как обычно: по сторонам плаца – большие стенды с неизменными изречениями воспитательного характера, на каждом шагу по паре на брата. Но больше всего их расположено возле бревенчатых бараков-отрядов – места временной прописки тех, кому поперёк горла стала своя волюшка, белый свет. В центре зоны – медчасть: сразу с улицы от плаца – вход для сотрудников и ещё один с задней стороны – для осуждённых.

Сюда я и вернулся вскоре из полуторасотенного отряда подопечных, над которыми после случившегося в могильной тишине ещё с утра из одного барачного края в другой тихий ангел пролетел. Через процедурку прошёл с завхозом медчасти, через комнату для приёма больных и в малюсеньком стационаре, выкрашенном извёсткой, на подстеленной клеёнке увидел своего бывшего осуждённого Серёгу Кожевникова – Кожаного. Лежит, здоровенный, прямо на полу – ноги, что кегли, блестят босые, по сторонам раскиданы. С левой стороны горла – дырчато-кровавый разрыв от заточки с секиристо-зубчатым крючком, – одним махом всё наизнанку выдрало.

Не жилось человеку, как всем, в своей отрядной секции, – панцирной «шконке» с фиолетово-байковым одеялом и тумбочкой у окна, лучшего места не придумать. В этом последнем земном приюте Серёги Кожевникова вся стенка от второго яруса до потолка была в идеально-точечном красном круге: после удара заточкой артериальной кровью приговорённого даже голову спящего соседа с ближней койки откинуло. А алая тряпка, что рядом валялась, была обычным вафельным полотенцем, которым сидельцы пытались заткнуть рану, пока Кожаный хрипел: «Меня Витька Трошин убил!»

Но его последние слова уже не были услышаны прибывшим медиком, позаглазно величаемым Борей-Тошнотиком за вечную присказку, применяемую ни к селу ни к городу: «Будем лечить или пускай живёт?»

В скором времени в поселковом штабе сотрудников, возле которого их малолетнее потомство обычно играет в бесконвойников, грозным хозяином колонии Любопытновым было дано распоряжение, от которого и захочешь, да не отвертишься. Как начальнику отряда, где совершилось преступление, мне надлежало за старшего со специальной командой немедленно отбыть водным путём в райцентр для погребения безвременно усопшего Сергея Кожевникова.

С некоторых пор умершие насильственным образом должны были предаваться земле в ближайших местах захоронения, причём без оповещения об этой печальной процедуре близких родственников. Не буди, право, тот и упомянут, у кого в чести эти вести про инструкцию о почивших в бозе «пассажирах», кому ещё сие из зоновских неведомо?

О таковых, отошедших от мира сего, надобно телеграфировать сродственникам в течение суток, но об этом даже и пикнуть не заикайся. Начальство не свой брат: много говорить не станет, за ушко да на солнышко. Недолго и самому одним росчерком пера загреметь под фанфары, не успеешь оглянуться. Поэтому во избежание неутешительной перспективы оказаться на законном месте своих наголо стриженных подопечных, приказы власть предержащих, понятное дело, подчинёнными не обсуждаются, а исполняются.

В походном порядке ко мне прикрепили того же медика Борю-Тошнотика, а ещё режимники выделили «двоих из ларца»: пару схожих друг с другом осуждённых в одинаковых робах, вооружённых новыми лопатами на долгих ручках. В сопровождении немногословного прапора Пушистого из конвойной роты, о котором местные ценительницы мужеского внимания шептались, что у него выше пояса – очевидное, а ниже – невероятное, вся компания через узкоколейную дорогу ходко подтянулась к дебаркадеру, соседствующему с местом моего обитания.

Здесь к каждому дому проложена узкоколейка. Посёлок с несколько зловещим названием Курдюг стоял на таёжно-болотистом топком месте, поэтому кругом подсыпали опилками с пилорамы, и везде были построены мостки. По узкоколейным путям, проложенным через всю территорию, мотовозами подвозили дрова жителям и материалы к строящимся домам. Тутошний грунт не выдерживал ни трактора, ни грузовика.

Повсюду – дощатые настилы для хозяйственных нужд, такие же тротуары вдоль и поперёк, некоторые даже на сваях, – дощатое царство. У домов сарайки с дровами прямо в лес глядят, а вокруг, что на картинке, ягодник, – коль охота, трескай себе на здоровье. Или собирай белые грибы, каких хоть косой коси.

С другой стороны – речка, где уже пришвартовалось, так сказать, неповторимое для всех времён и народов плавсредство – наш вечно незаменимый «Курдюг». Наименовка судна в житье-бытье также была произносима с ударением на первом слоге, как и у самого посёлка, находящегося на слиянии Курдюжки с её притоком Копсаркой.

Бывало, идёшь за водой зимним вечером к проруби, в памяти встаёт гоголевская «Диканька», большое сходство: такое же безмолвие, капустный хруст морозного снега под валенками, серебристо-зальделая прорубь и луна золотой царской чеканки, – светло как днём. А в летне-нынешнюю пору источником утоления жажды служила общая колонка, содержащая омертвело-недвижимую, ржавую жидкость, именуемую водой.

У иных здесь живущих, что послабже, случалось, даже от этого изнутри разрывало, а других, покрепче, так порой наружно перекраивало, что приезжающие сюда навестить, не сразу после разлуки и признавали своих родных и близких. Вдобавок – повышенная влажность, что способна была запросто помутить любой рассудок, а ещё комары, каких свет не знавал: молодцы-удальцы, лютые дельцы, у нас шутили: «Второй мотовоз на нижнем складе доедают».

У моего дома была ещё одна особенность: летом он незаметно оседал на болоте, а зимой так же неприметно и неравномерно поднимался. Тогда замочная скважина уже не соответствовала прорези в косяке, и замок на законных основаниях бездействовал. Так и приходилось ходить на службу, не запирая жильё, но посёлок относился к категории закрытых режимных учреждений, поэтому посторонних людей и воровства не наблюдалось.

Между тем «двое из ларца» по качкому трапу старательно затащили домовину с Кожаным на борт «Курдюга» и укрепили на носу у мачты с приспущенным триколором. Сюда же конвойный Пушистый в форменном обмундировании и с оружием на поясе деловито пристегнул наручниками безмолвного Витьку Трошина, бледного, щупленько-ушастого обидчика усопшего, пожалуй, не понимающего ныне ничего из происходящего.

За кормой катера взревел двигатель, гулко вбросив наружу водный колпак кофейного цвета, и мы отчалили от малолюдного по ранешнему времени дебаркадера. «Курдюг» на малых оборотах шёл меж низких торфяных берегов речки, полностью огибающей посёлок, строения которого, что на красочном лубке, панорамно проплыли за спиной, и судно вошло в горловину другой невзрачной речушки, на берегу которой размещался нижний склад. Волны от катера следом нехотя растворялись в береговой ржавой жиже…

II

Вся рабочая зона нижнего склада, в обиходе попросту именуемая лесопилкой, окружена пятирядной стеной из колючей проволоки с караульными вышками по периметру. Мнится, что гигантскиневзъёмные штабеля брёвен с первозданными очертаниями подъёмных кранов взаправду вздыбились не только над худосочными деревцами, но и заполонили саму округу сверху донизу. Внутри же выделялось двухстойловое локомотивное депо, самое высокое здание лесопилки. С обеих сторон от тепловозных стойл – цеха для ремонта подвижного состава. Вокруг самого депо – множество наспех изготовленных складских каморок и прочих сооружений, между которыми все узкоколейные, а также иные пути всплошную проторены крепкими деревянными мостовыми.

Вселенско-неумолчный визг лесопилорамы сливается с гусеничным лязгом да рёвом трелёвочных тракторов, с непривычки уши закладывает. И куда ни кинь взглядом, всюду деловито кипит жизнь: копошится работающий люд, безостановочно снуёт туда-сюда, а за охраняемыми снаружи прочными, на запорах, воротами то и дело басовитыми гудками перекликаются тепловозы.

Но только «Курдюг», миновав водно-пропускную преграду, направился к нижнему складу, как работа за один приём и прекратилась. Весь берег, заливаемый слепящим, солнечно-лимонным светом и накрепко пропахший смолой и свежеспиленным лесом, скоро был в сгрудившихся людях, одетых в чёрную униформу с нашивками на нагрудном кармане.

Молчаливо и пристально они глядели на идущий мимо катер с прерывисто, взахлёб клекотавшим двигателем, пока он следом не отвернул в сторону Белого озера, оставив на буях знаки с перечёркнутым якорем, означающие, что в этих краях запрещено кому бы ни было пребывать без особого на то разрешения.

Понятно, что ничего подобного не могло здесь статься, скажем, в те давностные времена, когда в оной приболотной пу́стыни находился Курдюжский Николаевский монастырь, который через некое время был закрыт, а вослед уже тоже в далёкие шестидесятые девятнадцатого века как раз в данных местах и обосновался лесопильный завод, расположенный на ковжинском берегу. Кто ведает, примерил бы сегодняшний криминальный электорат свою вину со злодеянием человека, появившегося на свет на той самой лесопилке в день отмены крепостного права? Потому как спустя девятнадцать лет, в самое Прощёное воскресение, уроженец лесопильного завода посёлка Курдюг народоволец Николай Рысаков первым из террористов метнул в Петербурге бомбу в Императора Всероссийского Александра, прозванного в народе Освободителем, надолго изменив этим и без того донельзя запутанную историю развития страны.

Тем временем прозрачным, зеркально-озёрным стеклом перед нами открылся просторный фарватер канала, оставив за собой призрачную зону камышей и плавучих торфов, заодно миновав целиком и полностью гиблые места – чахлые болотца и, по самую макушку, вглухую затопленный лес…

А у меня из памяти никак не выходило увиденное: лица людей в чёрной амуниции, прощавшихся с Серёгой Кожевниковым на складском берегу под небесно-лимонным живым солнцепёком, – ведь они никоим образом не осуждали ушастого убийцу своего сотоварища!..

Может, потому, как беречь честь смолоду в местах не столь отдалённых по определению чтится всегда особенно: это как дважды два – четыре, вернее смерти. И без вины виноватый Витька Трошин, обидчик усопшего, всего лишь защищал свою честь, – кому надо и не надо знали об этом с самого начала заварушки, но помалкивали, не накликая неприятностей на свою шею.

Теперь куда ни кинь, везде клин, то же самое повсюду творится: где сила, там и закон, мудрено кем-то сотворено. И ото всего этого уже никуда не деться: что на воле, что по-за волей, всё равно одна песня, хоть тресни. В местах же заточения кому как не режимной службе и следует держать нос по ветру, потому как о лицах, состоящих на особом учёте, они обычно имеют информацию, вплоть до разговорно-расхожей в обиходе, как то: статья, срок и размер сапог. Но тут и на старуху вышла проруха, прозевали служивые: до последнего тянули кота за хвост, надеясь, что эти «тёрки» – подобные дела разрешаются, как обычно, сами собой – без особых последствий.

Кто на зоне слыхом не слыхал, как «беспредельщик» Серёга Кожаный, кого старались на всякий случай без дела обходить, через день да каждый день «кошмарил» Витьку Трошина? В голову бы не пришло кому-либо запросто «предъявить» лишь за то, что кто-то своим умом, особняком живёт, из-за этого уже и на свет не глядеть? Если у человека ещё натура такая, в чужие дела не терпит соваться. А в узилище принято семейничать, где несколько человек одним кулаком держатся, в случае чего друг за друга встанут. От века до века таким макаром в застенках и решаются поставленные ребром вопросы, чтобы просто выжить. Да вовсе не последнее дело, скажем, в том же ларьке сообща «от пуза» отовариться, иначе и жизнь будет ни в жизнь. Следом ещё «кайф» словить, – обязательно чифирнуть, куда без этого: в настоящем чифире, трижды поднимаемом до пены, даже само лезвие растворяется. Не говоря уже о чём-то серьёзном, если доведётся, – в тех же самых разборках-наездах «косяки» легче разруливать. Да мало ли всякого может случиться, всё до поры до времени, раз на раз не приходится.

А Витька Трошин оказался не таковского пошиба: хоть и в одинаковом месте, да из другого теста. Как принято у подчинённых говорить, один на льдине. Без помощников на своих двоих укрепился. Даже мастером в жилзоне стал, где открылся цех по изготовлению различных сувениров из дерева, последний писк моды. Рыночная экономика, каждый выживает, как может. Да и колония тоже сложа руки не сидела и, в связи с поголовной «оптимизацией» общества, на доброго дядю уже не надеялась. Как и прежде, осуждённых возили в лес на заготовку древесины, а также на нижнем складе делались плоты, изо дня в день грузились баржи лесом, и даже наладилось производство заказных дачных домиков.

Не сравнить уж было нашу «восьмёрку» с соседним «пятаком», что на острове Огненном, месте съёмок прославленной «Калины красной», не тот коленкор. Не вчера ли всем миром эту шукшинскую силу сильную не могли глазами наглядеться? Хотя расстояние между колониями всего лишь с несколько десятков вёрст, да и те не объездом, а в том же направлении, только всё одно наши рылом не вышли, и давным-давно государева мошна вся без нас изошла. Легендарному же «Вологодскому пятаку» или подобного рода «Чёрному дельфину», о каких спокон веку песни напевают да сказки сказывают и не выпускаемых из виду на самих федеральных верхах, всё было не стыдно со своим многомиллионным ежемесячным бюджетом и приходы по расходу держать, да в завтрашнем дне на себя не оглядываться.

А жизнь в здешних, канувших в небытиё местах, где – то пусто, а то негусто, как таковая, круглый год била ключом на особицу, но жаль, что иногда, выражаясь фигурально, – разводным, да всё по голове. Какая вожжа тогда попала под хвост Серёге Кожаному, что он, за здорово живёшь, единоличино потребовал от Трошина с каждой получки «отстёгивать» его кровно заработанные «тити-мити»? За одно лишь то, что у Витьки не было своих кентов-корешей? Да за такое «подмолаживание» получите законный от ворот поворот, а в получении – распишитесь! Вот бы и успокоиться кому следует: ведь каков был привет, таков получили и ответ.

А Кожаному того больше неймётся: как баран в новые ворота упёрся, даже «счётчик» человеку включил. Если не будет вовремя заплачено требуемое, жить обречённому вскоре доведётся у бачка с водой на входе в отрядную жилсекцию, передвигаться лишь замыкающим в самом «хвосте» строя, а есть ложкой с просверленной дыркой.

В отличие от прошлых времён теперь в этом подлунном мире подобное именуется кратким определением – «зафаршмачить», а сам приговорённый, соответственно, становится «фаршмаком». Процесс превращения несчастной жертвы в безропотно-животное состояние, короче говоря, в «обиженника», ныне видоизменился, но всё равно уже не бывать калине малиной, и плетью обуха не перешибёшь. Просто-напросто на одном из обычных построений, как чёрт из табакерки, выскакивал голимый «фаршмак» и прямиком выплёскивал из кружки с дыркой «чапаевку» собственной переработки в лицо будущему «коллеге». Конечно, с них, пожизненно заклеймённых, а за это действо поимевших банку кофе да блок сигарет, и взятки гладки: отхватят свои законные суток пяток изолятора от лица администрации, – не нами буде она судима, обо всём ведающая, но порой не брезгующая подобными мерами поддерживать нужный порядок.

Только уже и человека нет! – отныне и навсегда вместо него этот самый обиженник, податливобессловесное существо, обречённое на презренное животное соприсутствие, исполняет самую грязную работу, начиная с трудотерапии по очистке отхожих мест, – рви на себе волосы!

А бонусом ещё заполучает проживание на газетах под нарами во время этапов да позорно-поздравительный батон в международный женский день, – поневоле захохочешь по-волчьи. Какова тогда была вина вечного детдомовца Витьки Трошина, что он решился найти силы – сам на себя плеть не свил, зная, какая неминучая беда нависла над головой?..

Теперь оную начисто бритую головушку склонил бедолага на праву сторонушку под всеохватно-открытым небесным простором, вовсю парня палило. И, прикованный к мачте с приспущенным стягом, прикорнул он рядом с домовиной Кожаного, неподвижно застыв на носу «Курдюга», охотно рассекающего водную дорожку с золотистым, празднично играющим светом.

– Не положено! – вскричал заполошно от борта прапор Пушистый, увидев, как я пытаюсь напоить водой из пластиковой бутылки Витьку Трошина, слабо приоткрывшего глаза и непонимающе озирающегося вокруг. – Уставом запрещено, не положено!

– А если на это «не положено» у нас своё наложено, – вполне миролюбиво, на правах старшего, покладисто остепенил я конвойного охранника, и тот, недовольно покачав головой, вернулся на корму, где они с Борей-Тошнотиком резались в карты. С другой стороны бодрствовали «двое из ларца» и, покуривая, безразлично смотрели куда-то в сторону убегающей за нами воды.

В капитанской рубке за штурвалом, как всегда невозмутимо, внимал окружающей действительности бочкообразных размеров Гриша-Полпотыч в своей неизменной фуражке с крабом, надвинутой на самые глаза. К кровавому диктатору Пол Поту, разумеется, Гриша не имел касательства, но как-то, обидевшись на весь мир, он настолько изобретательно обработал свою вторую половину ножичком поострее острого, что «самый гуманный суд» и облагодетельствовал злодея сроком, после которого тот так и остался в знакомых местах на положении вольнонаёмного капитана маломерных судов.

Безветренно-зелёную тишину нарушил пронзительный крик одинокой чайки, примостившейся на торчащем из воды бревне с куском игольчато отсвечивающей колючей проволоки, словно опять предстояло обозревать безрадостно очередное место заключения. Затем показались силуэты барж, – по правому борту катера уныло потянулся посёлок Новокемский, скрывающийся в буйной гряде распустившихся деревьев с торчащими блёклыми крышами лишённых разнообразия строений.

III

Было видно, как возле берега несколько мужиков на лодках, упираясь в дно баграми, задумчиво смотрят вниз, нет заботы важнее. Яснее ясного, что по звуку проходят науку, – хорошенько, по первое число вышаривают железяки для сдачи их вместо цветного металла. Известно, что в этих краях было несколько лесопильных заводов, которые при строительстве Волго-Балта вчистую, полностью затопили. Оставался лишь Кемский, возможно, единственный, что избежал погибели, потому как его ожидала другая участь: предприятие в наши дни сгорело из-за головотяпства кочегара.

Как и в колонии, в сих местах также в дни оны, образно говоря, всё больше занимались «резьбой по дереву двуручной пилой», до пяти тысяч человек было в посёлке, жили себе люди, не тужили да никому не служили. Нынче, чтобы хоть как-то выстоять, остатняя мужеская половина перебивается с хлеба на квас, пытаясь прокормить семьи, и, знать, вовсе дошла до ручки, донельзя обозлённая на весь белый свет…

С каких иначе щей, взыграв моторами, за нами устремилась пара лодок, откуда с весьма наглядной убедительностью потрясали баграми, а из одной моторки, как гром среди ясного неба, даже хватило в вышину ружейным выстрелом, попались мы впросак.

Разглядели обо всём догадавшиеся трудоголики приспущенную катерную хоругвь – вестник несчастья, недолго было и по заслуге почёт получить. Если не взбрело на ум сколько-нибудь припугнуть, коли с утра пораньше «за воротник заложили». Но наряду с аборигенами знали ещё в посёлке таких бывших сидельцев, которым хоть бы хны было и свою голову на плаху, а этим проще пареной репы не одного лишь страха нагнать.

Только наши тоже оказались не лыком шиты, куда твоё дело. Взбодрился краснолице-готовный Пушистый, привычным движением расстегнув поясную кобуру с оружием, глазами туда-сюда заводил, как бы выбирая удобную позицию для предстоящей баталии. Над его жаркой думалкой на разок вспрыгнули лёгким одуванчиком, как говорится, три волосинки на одну драку, остатки пушисто-волосяного оснащения.

Тем временем «двое из ларца» тоже встали наизготове, – моментом, не раздумывая, вскинули свои лопаты на долгих ручках. Не отставая от компании, что-то заполошно блажил, размахивая руками, и Боря-Тошнотик, – теперь так, да после-то как?.. Чтоб не переваливать позже с больной головы на здоровую, дал, было, я отмашку на ход судна Грише-Полпотычу, но тот и без советчиков оказался не промах, не в таких ещё переделках побывал.

«Курдюг», бурунно взревев, скоренько оставил за собой неудачников, посылающих кулачные проклятия вслед судну. И немудрено: такие плавсредства, ни много ни мало, слыли в своё время самым настоящим судном-катером класса река-море. Во время войны держали оборону на Балтике и Каспии, тогда на рубке находился зенитный пулемёт, а впереди, где ныне под беспощадными лучами терял остатки сил у домовины Кожаного упёршийся перед собой стылым взглядом подневольный, имелась и семидесятимиллиметровая пушечка, не слабо?..

В кои веки раз, да и то не про нас: о происшедшем затем никто и словом не заикнулся, было, да сплыло. Стояли по бортам, опершись на поручни, и, не проронив ни звука, на воду смотрели, что вживую, с переливами, подобно самой жизни до бесконечности струилась перед глазами…

Волго-Балтийский водный путь мне раньше представлялся другим, схожим с известным каналом имени Москвы под Дубной, что был знаком по книжным картинкам. На самом деле он больше походил на широкую извилистую реку с полноводными заливами, где спокойно разойдутся не два, а все три или четыре судна. В одной его части, к примеру, береговая полоса была чёткой и сухой, зато следом – мокрый бурелом либо болото. Дальше уже встречалось несколько мест, коих для отдыха лучше не придумать – сосны, могучие ели да высокий песчаный берег, – дыши себе в две дырочки и в ус не дуй…

Только из каюты, что под капитанской рубкой, куда я перебрался ото всех с глаз долой, вдруг с чего-то привиделось: не туда прикачнуло. Будто водная стихия, вбулькнув прямо-таки через ил-

люминатор, возьмёт и насильственно заполонит само каютное пространство: каково, не спавши, с устатку не сладко?

А за один скрип ещё на ум пристало, что за незаметной сперворазку дверцей носового отсека было бы не грех часик-другой и ухо придавить, лежанка в отсеке как по заказу делана. Проще говоря, в себя прийти – опнуться бы походя, раздышаться в одиночку. Только там, в темени, неразворотно было даже без мундира, едва вползётся на всех четырёх, зато макушкой своей о переборку удалось на славу приложиться.

Порядком загудело в голове у человека, между прочим, с двумя макушками, а ещё говорят, что таким для защиты от самого рождения посылают сразу двух ангелов-хранителей. Раньше эти самые макушки даже за «божьи метки» принимали, и считалось, что подобным индивидуумам легче других вывернуться из любых передряг. Наподобие счастливчика, баловень судьбы получался, издавна эта примета и старому и малому известна.

Правда, мне, тоже двухмакушечнику, до сих пор от этого было ни холодно ни жарко. Скажем, сколь велико кому-то веселье, когда его, не говоря худого слова, наобум святых белой вороной окрестят, в зачёт не пойдёт. В своей же колонии и заполучил такое благословение, вор в законе, «законник» Воронцов постарался: кстати говоря, закадычный дружок скончавшегося Серёги Кожаного, одного поля ягода.

К слову, не будь тогда мы ночью с дежурным обходом в отряде, когда у этого бессменного узника давление подпрыгнуло выше некуда, едва уже дышал: не оказалось бы это последним часом самого «законника», кто знает? Не раз и не два, то и дело у него подобное бывало, а вот прижало – дальше некуда, глаза на расплющенном, что у азиата, лице, на лоб лезут. Пока дежурный наряд, не ведая, как помочь, без толку возле него шарашился, мы скоренько, не будь дурак, руки в ноги и нашли – выцепили из посёлка своего «лепилу», что успел-таки вернуть коронованному «законнику» старой закалки Ворону доброе здравие. А тот надулся, да не отдулся: мрачнее тучи, ещё сычом завзглядывал, никак ему за прошлогоднее сено задолжали, поневоле раздумаешься.

Заодно вдогонку, как на грех, довелось в своей одинокой комнатке глянуть – на сон грядущий перелистнуть страницы последних земных откровений великого писателя и, между делом, попасться промеж двух огней. Допустим, буди, встать на сей день вместе с нами тому же автору «Диканьки», который не видел «выше подвига, как подать руку всякому изнемогшему духом», с какого бы тогда голоса он запел, явись на таковском месте хотя на минуту?..

В это время необъяснимым образом, развёрзнув каютные переборки, надо мной вспыхнуло небесным светом, и оттуда в манящей воздушной лазури призрачным чудом возник многомачтовый парусник. Оказавшись на чуток рядом, он невесомой пушинкой подхватил всё моё суще думающее и, воспарив с крылато раздутыми парусами, затем совершенно безответственно унёс меня вместе с собой куда-то ввысь…

IV

К полудню, когда наш «Курдюг», наконец, пришвартовался у набережной городского причала, тут уже от края до края ломануло, – разошлась, по-настоящему грохнула жара. С самой верхотуры пылко синело атласное, вовсю раскалённое небо, лоснилось жёлтым снопом огненного светила, торчащего прямо над головой. Облупившиеся дома ярко двоились по обводной канала, напропалую отражаясь в воде, а горечь и зной струились в вышину, искажая мерцающий от марева горизонт медовыми, извилисто-тающими струями.

И помимо воли казалось, что всякий мимо проходящий по набережной, как по волшебству, находится в некоем уютно защищённом, небесно-золотом слитке, откуда окружающее созерцалось ровно у вот-вот родившегося, в райски-счастливом неведении божьего мира. А жгуче вспыхивающие янтарно-оранжевыми бликами водные просторы вполне впечатляюще завершали эту отчасти неправдоподобную, ослепительно-живую картину древнего края.

Не надо и семи пядей во лбу, чтоб даже со стороны было не отметить, на глазок зацепить, что именно на набережной обводного канала, растянувшейся по всему береговому размаху, и кипела всамделишная жизнь уединённого патриархального городка. А над ним – грандиозным сооружением пятнадцатого века – возвышался вековечно-основательный земляной вал с первоначальной высотой до тридцати метров, да ещё с башнями и деревянными стенами поверху, каково с такой силой потягаться?..

Только внутри этого городища с незапамятно-нынешних времён уже обстоятельно закрепились современные жилые строения с небольшим заводиком, административные типовые постройки и, соответственно, краеведческий музей, где беспрестанно толчётся неизвестно откуда возникающая туристическая братия.

Рядом неудержимо-пчелиным роем гудел на все лады разношёрстный рынок, похоже, торговавший днём и ночью без перерывов, круглосуточно. И уступающий своему областному собрату разве тем, что тот едва не постоянно обновлялся очередной уймой смуглоликих торговцев. Возможно, они всего лишь порой мигрировали оттуда сюда и обратно, готовые за деньги, не моргнув глазом, выполнить любую работу. С одним из таких, владельцем грузовика, обожжённым вовсе не северной стороной солнца, я наскоро и договорился о доставке скорбного груза к месту назначения, находящемуся за старинным военкоматским зданием.

Для этой печальной миссии у нас имелась казённая сумма, для пущей надёжности время от времени проверяемая во внутреннем кармане форменного обмундирования. Пилигрим из бывшей братской республики и не артачился, лишь гортанно озвучил мои представительские расходы, жестикулируя при этом обеими руками. Да ещё на полностью застёгнутый у меня в этой парилке мундир глянул с неуловимым недоумением, впрочем, мигом сменившимся привычно-цепким взглядом.

А у нас всегда так, чтоб всё чин чинарём было, как надо, без сучка и задоринки. Чтоб совсем как у деда, всё по-честному, коль я один в один их вылитая родовая. И мне, его последышу, тоже, как и самому деду, вечно до всего на свете дело было, с детства все уши пропели. Осталась теперь дома от него, фронтовика-добровольца, сгоревшего в сталинградском адовом огне, одна лишь фотокарточка, похожая на старый горчичник, – кто из нас горя не знавал?

Работодатель из некогда братской республики оказался на редкость проворным, как тот самый, что един в трёх лицах: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Копалям же «из ларца» только и позволил, что перенести с «Курдюга» почившего в кузов грузовика. И само сострадание, даже выгрузку, где надо, на себя принял. Не обращая внимания на жару и огорчённо цокая, работодатель бегал вокруг машины и, закатывая глаза к небу, сам с собой разговаривал. Но по всему было видно, что он главным образом доволен удачно подвернувшейся работой.

Стало быть, моё вверенное сопровождение будет и далее на катерном приколе дружно довольствоваться солнечными ваннами, тем более ещё в посёлке все были своевременно снабжены положенным сухпайком, порядок есть порядок. У меня сразу как гора с плеч, с такими деятелями и без этого глаз да глаз нужен. А в нужный час и завершим своей командой всю похоронно-скорбную миссию, чтоб после, от греха подальше, ходом и обратно в места хоть не «столь отдалённые», но зато уже привычные.

К этому моменту для отправки в областной изолятор конвойный передал обидчика Серёги Кожаного местным правоохранителям. По-прежнему ко всему безучастного, того стремительно водворили в машину, в каковой охнешь и ты, как не будет пути, и та, рявкнув сиреной, сразу исчезла с глаз долой. Почище, чем в дешёвом боевике, мало того, ещё тормозами на всю улицу взвизгнуло.

Смуглолицый машинный владелец вправду был хозяином слова: он не только споро доставил груз по назначению, но слетал в нужное помещение, соседствующее с основным больничным комплексом, откуда появился с таким же собратом, и они по крутым ступенькам стащили домовину с усопшим в подвальную низину. Но и на этом он не остановился, самостоятельно расширив свои полномочия: вызнал у патологоанатома время выдачи тела и вызвался доставить Серёгу Кожевникова к месту последнего упокоения.

Нам оставалось лишь сообщить на борт «Курдюга», чтоб медик Боря-Тошнотик вместе с обоими «из ларца» прибыл в означенное время для погребальной церемонии, а мобильно-городская связь по сравнению с колонистской была безотказной. Дело получалось как на ладони, тогда с какой стати у человека в погонах опять не по своей воле на душе кошки скребли? Не оттого ли, может, что эта самая судьба взяла да сегодня для профилактики и погладила его против шерсти?..

А сверху так же, как и с утра, – всё бельма белело перевёрнуто-раскалённым пространством, в известково-пылевидный порошок сушило само сущее своим чуждым всего житейского, беспощадным дыханием. У набережной в асфальтовой выбоине, ранее наполненной живительной влагой, лежала крупная ворона, растопырив крылья и безвольно раскрыв клюв, видимо, потерявшая чувство реальности. Точно на миг знаково явленный с изобразительного полотна доселе неведомого мастера, мир во вселенной замер маленьким одиноким ребёнком, ошибочно очутившимся у края неведомо-гибельной

пропасти. А каковы ещё на свет божий объявились цветовые сполохи, что веерными зарницами с бесприветной безнадёжностью заскользили с оглохшей вышины и, касаясь земной тверди, мимолётным видением исчезали за горизонтом, как до сей поры никому не известная природная аномалия.

Может, тогда и нам самим уже всё это видится и кажется да против неба на земле в непокрытой улице куражится?.. Только на повороте у набережной – не обойти и не пройти – стоит ещё у тебя поперёк пути женщина в чёрном платке, на виду поджидает: горе её лыком подпоясало. Всё живое по дороге, что напротив кинотеатра «Балтика», как поедом выело, прочь жарой смело.

Вроде бы давно ли по этой белозерской набережной в пробеги бежал шукшинский Егор-Горе из «Калины красной». «Ноги, мои ноги, – приговаривал он, стараясь избавиться от бдительно неотстающих правоохранителей, пока в отчаянии не воскликнул: – Да сколько же вас!»

Оказалось, даже больше, чем можно представить: всё было битком забито людьми на премьерном показе шедевра в этом кинотеатре, когда самим создателем картины были сказаны слова, а фактически гениально просто озвучено наше самовыживание: «Нам бы про душу не позабыть».

Взгляни-ка на меня: чтоб с места не встать, коли это неправда. Узнал я её ещё издали: мать это Серёги Кожевникова была, и к гадалке не ходи. На набережной поджидала женщина, с которой мы в первый и последний раз месяцем раньше в глаза друг другу смотрели. На «свиданку» из областного центра к сыну приезжала. Комната для такого дела родственникам была в двух шагах от моего жилища в бревенчатом бараке, что находился через дорогу от дома самого начальника колонии с опознавательно-белой восьмёркой на крыше. Только при помощи этой отметки и обнаруживалась при необходимости зона: кругом дикая тайга, ни подъехать, ни подойти.

«Добрые люди сказали, – шагнула мне навстречу по деревянному тротуару мать безвременно усопшего Сергея Кожевникова, и я поразился тому, как можно так глядеть, вовсе не моргая. – Добрые люди всё рассказали, – всё так же, не мигая, протяжно тянула женщина. – И я приехала сюда сразу с дежурства на “скорой”». – Голос её был глухой и невнятный, пустой, как из бочки. Даже показалось, что не она сама, а кто-то другой, безнадёжно больной, раздельно выговаривал слова вместо матери Кожевникова.

Не удержавшись, она прислонилась к штакетнику у причальной столовки с изображением на входной вывеске освежающе-минеральных напитков, непонимающе огляделась. Затем снова перевела на меня свой не моргающий взгляд, – и без всяких-яких видно, что у неё не просто маковой росинки во рту не было, а сколь давно человека мучила нетерпимая жажда.

Переделанное в шукшинской кинокартине под ресторан, сие общепитовское заведение с тех пор особо не изменилось, когда заглянувший сюда по освобождению рецидивист Егор Прокудин для первичного знакомства громогласно озвучил своё присутствие словами: «Что мы тут имеем?»

Как и тогда, квадратные столики со стульями на алюминиевых ножках, так же вразброс, были расставлены по всему помещению, разделённому стеклянной перегородкой. Даже пейзаж в тяжёло-золотистом багете находился между теми же широкими белыми окнами, за которыми, лихо задрав нос, по синему каналу с рёвом промчалась моторная лодка. А нам с матерью Сергея Кожевникова само и место досталось напротив этих окошек, да ещё за тем столиком, где освобождённый по концу срока Егор Прокудин с «погонялом» Горе доходчиво втолковывал пронырливому официанту: «Нужен праздник!»

Наверное, киношная традиция, касаемо сходного обслуживания посетителей, и прижилась с того времени в столовой, где было на удивление прохладно, к тому же под потолком, хлопая лопастями, добросовестно трудился ещё стародавний вентилятор. А между столиками худенькая пожилая женщина в махоньком фартуке привычно разносила на подносе блюда. И дед ещё не на сто лет при виде своего заказа живо потёр ладошками перед пластмассовой столешницей:

– Закуска-то больно добра, – хвалебно провозгласил он про свой пир на весь мир. – Гли-ко, и жевать не надо, только брови подымай! – И, мотнув кудлатой головой с крестиком на жилисто-загорелой шее, приглашающе огляделся для одобрения его жизнерадостного расположения духа.

Только наше нынче житьё – ни еда, ни питьё. Одной лишь водички дотронулась – потянула из стакана – обо всём непонятным образом узнавшая родительница и, не обращая ни на кого внимания, уклонила перед собой голову, смежив воспалённо-опухшие, с тёмными ободьями глаза: видать, забылась на время. Другой мне она, не последнего порядка человек областной «неотложки», запомнилась в нашей единственной беседе накануне её колонистского свидания с сыном, небо и земля. Тогда и намёком матерь не возжелала знать, что давно её отпрыск, родной дитятка, не в ту сторону глядит,

лишнее было заикаться поперёк родительской души. Их дети всё одно лучшие на свете: и пусть у того лопнет глаз, кто не любит нас!..

Зато это трагическое происшествие стало праздником тому, кто сидел в другом дому. Иначе в честь чего Серёгина мать прилетела сюда, как на крыльях: не сама же беда нежданно-негаданно взвыла не своим голосом, да и повисла над её головой? Хотя невелик секрет Полишинеля и ларчик отмыкается проще простого, потому что ещё солнышко не взошло, когда уже кому надо наловчились вскрывать подобные шкатулочки без особых затруднений. Достаточно было и всего-то тому, в чьих умелых руках оказались материалы личного дела, связаться с кем необходимо по спецсвязи из отдельного кабинета и заинтересовать предложением, от которого, по понятным причинам, вряд ли отказываются. Здешние же мобильные телефоны до морковкина заговенья пребывают «вне зоны досягаемости».

А умников звонить из коммутаторской комнаты, что в поселковом штабе сотрудников, если и было, так уж на низ сплыло. На этом дежурстве одни лишь вольнонаёмные женщины, посему через часик-другой уже все бы приветствовали новоявленного миллионера курдюгского разлива. И это, почитай, как сто баб нашептали. Так что уподобляться той самой знаменитой гоголевской вдове, якобы саму себя выпоровшей, охотников не найдётся, не на тех напали. Такого рода действия уже изначально чреваты нежелательной экскурсией в казённый дом, лишённый архитектурных излишеств, но обладателю данных о Серёге Кожевникове опасаться было лишне. Никто не увидит и не услышит: давно у подобных государственников с большими погонами, выражаясь по-современному, всё под контролем. По итогам же нехитро-предсказуемых переговоров одним духом, кому следует, открывался счёт на предъявителя и, равновесно, сокрушённое сердце – заинтересованное лицо – становилось обладателем необходимой информации.

Впрочем, ужели в чужом горе и всего-навсего лишь кому надо в масть подсказать, как в нужное время и в нужном месте оказаться, не святое ли дело? А коль хочу, так чего не смогу, ведь за добро, как известно, даже сам бог плательщик. Кстати, за сию малую толику отзывчивой души оттого и по правде некое воздаяние рвавших на себе волосы, а за такие дела уж ни с кого не полетит голова, куда понятней. В общем, кто кого сможет, тот того и гложет, не впервой. Только не для нашего ума была эта сума, и без этаких затей своими грехами сыты, хоть отбавляй. Тогда с какой радости такой приговор да сразу же мне во двор, всё в толк не могу взять?..

«Верните сына, – маленько забывшегося, вернул меня на место голос матери Сергея Кожевникова. Она поднялась, шатнув столик, и, раздельно выталкивая слова, шёпотом, от которого хоть кому станет не по себе, горячо упросила: – Верните моего сына!»

Со стороны такое вполне походило на родительскую беседу с зарвавшимся, было, не в меру наследником, что, прилюдно осознав содеянное, бережно сопроводил мать под ручку на волю, подальше от посторонних глаз и ушей. Мимо лениво пробрело несколько подростков, один из них, худосочный – три щепочки сложены, да сопельки вложены – поливал себя из большой бутылки. По прямой дорожке обводного канала простреко тал игрушечной наружности буксирчик, трудолюбиво таща за собой обвязку рыжих от солнца брёвен. Белыми послушными листами падали в блестящую воду чайки и, крикливо взмывая в вышину, с белокрылой упругостью таяли в глубине прожарено-небесного простора.

«Отдайте кровиночку, – горячечно молила женщина, спасительно уцепившись за мой мундир рукой с самоцветно сверкнувшим перстнем на указательном пальце. В другой руке её была сумочка на длинном блескучем ремешке, что влеклась следом неподъёмным лишним грузом. Запнувшись, Серёгина мать еле не упала, но мы с поддержкой вместе устояли на своих двоих: – Верните, – раскачивала она с взбитым платком на растрёпанной голове, втихомолку начиная подвывать, а потом вдруг как-то и вовсе неотступно-смертно вскрикнула: – Христом Богом молю, гражданин начальник!..»

V

«Что они делают, что они вытворяют!» – как в той кинокартине, скорее всего, не сдержался бы на это шукшинский Прокудин, окажись ещё в стороне бывшего «Дома колхозника», куда мы с кожевниковской матерью отошли к скамейке в парке. Неисповедимыми путями господними на этом месте съёмок «Калины красной» была недавно посажена аллея из саженцев дубов с малой родины друга Шукшина Василия Белова. А разве не памятна ещё вдогон прокудинская попытка безобидной беседы с заведующей почтой, – коробчатым зданием свежо-зелёной окраски, что по соседству, в трёх шагах от этого парка?

И где данный человече заодно заполучил от суровой представительницы прекрасного пола незамедлительное предписание: «Гражданин, вы тут не хамите!» На что едва лишь освободившийся Егор Прокудин гневно возразил: «Какой я вам гражданин?» И таково «отбрил», что не грех о той несправедливости его же словами на сегодня господне и напомнить, как заповедное: «Я вам товарищ, и даже друг, и брат».

Оное заведение на этом месте и поныне, как сноп в овине, мимо не пройти. Сразу навстречь дороги и приветствует своей внушительно-наддверной надписью «Почта России», легка на помине. Пониже – что люди, то и мы – современное новшество: в замысловато-серой окантовке над резным окошком вклеено слово «киберпочта», и в то оконце лезет белая кошка, – так настырно заливает, палит оттуда белым светом от невесть какого невидимого глазу источника. В придачу ещё в такой палючей жарыни и саму площадь с торговыми рядами сразу не разглядеть, отныне выставленными городом для всеобщей продажи. Похожее даже во сне бы не привиделось этому же Егору Прокудину, после освобождения приодевшемуся в сих торговых местах и пожелавшему отсюда в поисках долгожданного покоя «шаркнуть по душе».

Тем часом мы уже остановились дыхание перевести у самого почтового крылечка возле очередной скамейки, изготовленной умельцами так, что будьте-нате было взглянуть, а не то что отдохнуть. Оставалось ещё добраться до центральной площади, что с торговыми рядами, а дальше быть и больнице, куда мы правили черепашьим ходом: моя спутница и с поддержкой еле-еле ноги передвигала. Тамошним врачевателям хоть день-деньской звони-зазвонись, во все колокола трезвонь, – ни ответа, ни привета, как поголовно вымерли: пришлось, худо-бедно, пешим порядком и тащиться до места.

А из-за открытой почтовой двери, откуда веяло распахнуто-жёлтым зноем – как сами жданки и ждали, возьми да как мигни тот, достопамятный эпизод из кинокартины, что снимался в переговорном пункте почты. Только что хлебнувший воли вольной человек в красной рубахе и кожаной куртке по настенному, заметных размеров аппарату и говорит своим слегка задиристым, но уже домашним, не зоновским голосом: «Алё, здрасте». След ещё толком не остыл от тех прокудинских казённых кирзачей, в коих уже свободным он вышагал, верно, по неоглядным, ни конца ни края не видно, тюремным мосткам вологодского «пятака», чтоб затем из этого переговорного столь доверительно кому-то своему и напомнить в телефонную трубку: «Это я – Горе».

Так с годами всё тут по-старому и оставили, как до нас расставили. Несдвигаемо занимал обычное место у входа тот же эллипсоидно-объёмный стол, обретшийся напротив высокого, лакировано отсвечивающего ящика с почтовыми номерами «до востребования». Дополняли вид ещё пара переговорных кабинок с расхлябанными дверками и, особенно запоминаемо, – именно соседний, шукшинско-прокудинский настенный телефон с эбонитовой трубкой на стальном пружинном проводе.

Как на ладошке и видится тот, кто сейчас же вместо нас – знать не знаю, а дело моё, – одним духом, не теряя времени даром, и заказал разговор по коммутатору, одуматься не успеешь. Не снова ли здорово кто-то и подшепнул нам опять без спроса сунуться не в своё дело, горе ты луковое? А по-другому и не узнать было бы решение самого хозяина, без чьего изволения даже волос не упадёт с головы, состоящего на службе, младшего по положению лица.

Но когда воспринявшему слухом и коснулось уха приглашение к тому самому настенному телефону, даже у почтового крыльца селекторным голосом разнеслось: кто бы диву ни подивился? Телефонная трубка не только сохранила свой цвет с прошлых лет, хотя эбонит на ярком свету и приобретает некий зеленоватый оттенок, но, вызвавший огонь на себя, даже ощутил толчок какой-то силы, схожий с внезапным приливом крови, когда рука крепко-накрепко сжала увесисто-громоздкую трубку.

«Глянь, сколько хороших людей кругом, – с закадрово-шукшинской интонацией враз и толкнуло изнутри, – моментальным живительно-волшебным кровотоком и принеслось из концовки легендарной картины. – Надо жить, – неведомо из какой дали далёкой, а может, просто из самой души напоминаемо передавал оттуда родной голос. – Надо бы только умно жить…»

«Эк, куда хватил, – тотчас в действительности уже внушительно и отозвалось в трубке с ответной стороны, не внявшим просьбы начальником, что в одноразку, не дослушав, с места в карьер и вправил мозги подчинённому, только держись. – Каким ещё родственникам надо кого-то отдавать, – нагнал сорок бочек арестантов! Или приказы министра уже не указ: даже власть, как дед репку, садят, а у нас в одну минуту сам сизым голубем за решётку загремишь! – даром давали мне пару с лагерного боку на всю припёку. – Как раз из изолятора дружок убиенного Ворон по кон-

цу срока освобождается, – туда и отправим до этапа, чтоб на всю жизнь полные штаны радости были!» – С того места, где было лихо да стало тихо, что-то ещё последом буркнуло по-тарабарски, и связь после щелчка, как приснилась, вовсе пропала без вести.

А если так сказано, всё равно, как по нам смазано: что правда, то правда, с сумой да тюрьмой никогда не бранись, сам попадёшь. У кого своя рука владыка ещё с дорогой душой зашлёт и на кудыкину гору, куда Макар телят не гонял. Запоёшь тогда, пропащая душа, не своим голосом. Этого только мы и ждали? Свято место пусто не бывает, и если дальше лезть поперёк батьки в пекло, то недолог час и уже тогда всем, нерадостным на чужое горе, тоже доведётся самолично лицезреть родное небо в клеточку.

После этого, пусть себе руганному, да пока недопуганному и осталось лишь от самого крыльца не взглядывать с лица, чтоб не встретиться поглядкой с понимавшей всё на свете матерью отошедшего в мир иной бедолаги. Но что бы там ни было, какие ещё силы и дохнул в жилы один лишь услышанный селекторный вызов в остывающую душу: так и подошла бы она к давшему надежду поближе да поклонилась пониже! Там ещё было время, но в сей же час наступила и пора. Не сговариваясь, мы опять вместе с ней молчком и двинулись далее к площади с торговыми рядами.

Со стороны глянуть – не увянуть: ступить люди ступили на ровно облитую небесным молоком тропку, да как в воду и канули, настолько от почтового угла всё палило, – настырно заливало белым пламенем от какого-то невидимого источника. А появились вскоре на лобном месте – на самой площади, где, собственно, под замершим в мареве жидким, солнечно-расплавленным кругом завершался и наш, пройденный от катерной стоянки, незримо-избавительный круг, безвозвратно исчезал там, где ещё не уготовано нам. Потому как за ним чьи-то кости уже навсегда лягут на погосте, а при этом нашенские, что своего ходу, дальше без лишних слов из ворот да в воду, только след простынет.

VI

Но кто знает, где найдёшь, а где потеряешь. Вдруг ни с того ни с сего как дёрни таким сквозным ветерочком, что сразу знобко стало, когда всё похолодало. И тотчас, ахнуть не успеешь, темным-темно, как черно кругом сделалось, – куда день, туда и ночь. Даже вспомогающему нам, как ни крути, вездесущему шукшинскому герою, так и не обретшему желанного умиротворения, а оттого посулившему из своего киношного мира опрокинуть «этот город во мрак и ужас, в тартарары», возможно, и довелось бы у нас в яви временно лишиться дара речи при виде случившегося.

Поскольку в нашем взаправдашнем бытии, как перед самим светопреставлением, разом и стало глазу ни зги не видно, – такой мрак навалился, что ничего нельзя было различить, тьма кромешная. Этого только и не доставало, а нас уже из огня да в полымя ни за что ни про что кинуло, что ни дальше, то хуже некуда. Так как в тот миг действительно и привиделось, будто я на какое-то время очутился в ином измерении, где чьи-то необъяснимые усилия на несколько летучих секунд и заставили поверить в происходящее, точно в правду, кажись, навсегда накрывши безвозвратным мороком – от горизонта до горизонта – всю нашу тишь да гладь да божью благодать, – по небу широко, по земле далеко. Не так ли, надо думать, и бывает, когда вдруг неизвестно зачем всей своей былью да небылью так запросто нас перетянет, что кто-то уже и сам не знает: был он – не был, жил – не жил, знать, как пропал?..

Тем временем, чтоб кому ни попадя не было охоты лишний раз время зря терять, – без толку рот разевать, незамедлительно и дунуло со спины обычным мирским ветерком, поверху пронеслось. Тогда перед нами вновь вполне ощутимо, хоть иголки собирай, и возникла эта же площадь, за которой на виду всего грешного мира, – кому неведомо неизменное место городского отдохновения? – как вышним напоминаем о наших вечных душах, судьбоносно пошумливало в кронах вековой сосны, исстари вознёсшейся на травяном откосе, всегда остро пахнущим рыбной свежестью озёрной воды.

А нас опять-таки в очередной раз за виски да в тиски, – отныне уже в самом деле, что и говорить, как миленький, на все сто попался в перекрёстную. Чтоб её нелёгкая, с самой верхушки да на всю катушку, как хлынула ещё небесная вода, что тебе беда, – что она позабыла тут?.. Но только со всего свету в нашу сторону таким водопадным столбом рухнуло, что и сам царь воды не уймёт, даже небо с овчинку стало. Хлестало с высокой вышины без продыха так, что перед глазами видны лишь были кипящие литые струи, крутящиеся витыми водными верёвками, да ещё рыкнул и вол на семь сёл, – грозную тучу по пути от края до края перебросило. А где много воды, разве долго ли до беды?..

Вскинул я набыстро свой мундир над нами с матерью, – в этом хоть быть по-нашему, забор крашеный, а если затеяно, так надо кончить дело. И тогда мы под этим одеянием, – не столь велико закрылись, зато дороге открылись, – шаг за шагом, рядком да ладком, а где и спокользя, добрались-таки до военкоматского здания, за которым, в низине, что в одном ряду с горестным помещением анатомички, в конце всего явилась и сама больница на все лица.

Там своим обличьем к нам и предстали взору под больничным навесом все, кому следует быть, поскольку уже время пришло и всех в нужном месте нашло. Видать, у нашего медика с двоими из «ларца» были пути иные, раз вышли напрямую, а у смуглокожего машинного работодателя, прогретого совсем не северными лучами, работа кипела до самого пота. Бегал, выжидаючи, взад-вперёд возле своего железного коня с откинутыми бортами, потому что в открытых подвальных покоях у анатомической не молоденькой начальницы уже была на виду готовой кожевниковская домовина.

А тут ещё на секундочку, вроде, как ух ты, вышли мы из бухты: с обратного края крыльца, потусторонне поблёскивая расплывчато-красными бортовыми полосами, притаилась «скорая помощь», разом не узренная под этим не прекращающимся, ни с чем несравнимым водоизвержением. Подобные специализированные автомобили никоим образом не могли относиться к городским больницам, лишь единично появившиеся в областном центре и предназначенные для станций скорой помощи. Возле неё, несмотря ни на что, бдительно дежурили двое молодых людей в белых халатах, похоже, проглядевшие все глаза, потому как при виде нас они одновременно оба преклонили свои головы. Вот в этакой-то напасти как было едва не пропасти моей спутнице, не поддержи её со мной, и так уж обеспамятевшую, подскочившими ещё к нам сопровождающими. Но во времена и лета нынешнего света может ли статься: есть ли хоть какой-то заступник и для нас, когда такое горе горькое у нас?..

«Возьмите сына, – вдруг сказал кто-то нам громким и странным, сроду не слыханным голосом. И ещё раз для нас раздалось рядом то же самое не от мира сего звучание: – Возьмите сына!» Я-то как очнулся, точно бы проснулся, а это, вишь ты, кто-то утробисто так внутри меня сам по себе говорит, словом жарким горит, – и не по-нашему хотенью, а по-чьему-то изволению. Что называется, ни в сказке сказать, ни пером описать, как если бы так задумано было.

И как после дышать, если слово ещё не держать, потому что оно опять у нас прошло, как огнём прижгло: «Возьмите своего сына!» – Только это уже аз от самого себя добавил, в своё слово вплавил. Или уже мы сами не с усами и, что бы с ходу ни пришло, сразу лапки кверху? И без подсказки сахар сладкий: не угадаешь, где упадёшь, где встанешь, но разве сей день не без завтра? Так не так, а уж этак и будет, кого ждём? И что с того, что плеть обуха не перешибает, зато свой должок не положим обратно в мешок, а после можно будет хоть как-то и на всех исподлобья не взглядывать, худо, что ли?..

Родясь, такое и знать не знавал, умру – не узнаю. Да и белому свету опять же не завтра ещё будешь рад, как вспомнится внове кожевниковской матери взгляд, когда она выпрямилась, неверяще приходя в себя от услышанного, и потом лишь молча, с широко раскрытыми глазами сама дошагнула, как на распорках, до «скорой», ухватившись обеими руками за раскрытые дверцы.

А осмотрительно взятые её молчаливые помощники с какой-то привычной быстротой деловито и погрузили в открытую машину деревянную домовину. И родимая матушка, напоследок ещё оглядясь вкруг себя, однова лишь вздохнула, но слышал бы тот, по ком этот был вздох, тот бы в щепку иссох! Она даже своими силами, в одиночку, поднялась к последней усыпальнице сына и, такой же человек божий, обшитый кожей, уже без удержу ткнулась в родное лицо: «Давно не видались? – Да как расстались».

А «скорая помощь», подобно обманчивому туману, скоро и растворилась в неумолкающем водном благоденствии, как её вовсе не бывало, лишь остальные ещё некоторое время пребывали в молчании, схожем с утренним моих сирых подопечных, над которыми тогда после случившегося в могильной тишине тихий ангел пролетел, напомнив, что на сем свете мы только в гостях гостим.

VII

Может быть, после кто-то из наших катерных обратный путь и вспомнит как-нибудь, хотя, как водится, он и прошёл своим чередом, без какой-либо истории с географией. К тому же кто вымочил, тот уже и высушил: пришла в себя выбившаяся из сил погода для народа, день под грейкой теплынью был промыт, как новенькое стекло. Отныне на носу у мачты с высоко вздёрнутым трёхцветным стягом всю дорогу безмолвно пребывал прапор Пушистый, и его извечно жаркую думалку с лёгким одуванчиком остатков пушисто-волосяного оснащения бодро обдувал пропахший травой, сквозь пальцы пропускать

можно, шелковисто-упругий ветерок. Зато в капитанской рубке за компанию с Гришей-Полпотычем блаженствовал безмятежный солнцедуй Боря-Тошнотик, а весёлая летняя закуска с их бутылочкой по затылочку на газетной скатёрке-самобранке перед самым носом даже способствовала невозмутимому капитану править судно по не впервости знакомому, неукоснительно выверенному курсу.

Только другим такое дело близко не приспело: в своё время успешно прошедшие огонь, воду и медные трубы «института имени Воровского по разряду факультета карманной тяги», «двое из ларца» благоденствовали в уютном кормовом трюме, где они в тишине и покое дрыхли без задних ног, предавшись излюбленному занятию клиентов исправительной системы.

А по мне, лучше было и не придумать места снова под капитанской рубкой за той самой дверцей носового отсека, где лежанка была, что по заказу делана. Но каково в одиночку быть тому, у кого что ни день, как опять его тень в той давней послеармейской весне, где ещё и не знал, куда это нас хлестнёт?

Только от домашнего порога дале ждала лишь новая дорога, потому что впереди всё было на свете к лучшему. Но беда сама приспела, наперёд не сказалась. Даже не вздумать, как тот день и пришёл, в котором та самая единственная, с которой друг другу мы в глаза посмотрели впервые, и как будто время остановилось, – вдруг взяла да умчалась куда-то в иные края, – навсегда её след с инаким и простыл из того города, где было всё нам дорого. А коль уже истаяли те истые неотмирные сроки, когда душа сама по себе мёрзлой ломкой веткой слагала свои горячие слова на первом снеге, – вспоминать-то веки вечные на что?..

И не надо ещё при всём этом нашим молодцам быть бледными с лица, когда в вечерней тиши «Курдюг», как-никак возвернувшийся к родному причалу, и упёрся в дебаркадер, соседствующий с местом моего обитания. Хотя и встречал-то нас на вечернем причале собственной персоной сам грозный хозяин зоны Любопытнов, по-всегдашнему аккуратно застёгнутый на все мундирные пуговицы с тремя большими полковничьими звёздочками на погонах. Трудно было избавиться от впечатления, что начальник колонии всегда видел всё окружающее как-то не глядя. Входя куда-нибудь, он уже знал, что делалось по другую сторону, – порядок дела не портит! – а твёрдостью и определённостью при решении служебных вопросов завоевал расположение и мало кому верящих подшефных за колючей проволокой.

Знать, наша молва опять поперёд нас дошла, потому как только всё было доложено, начальник не то чтоб на этом месте удивился, но даже, неизменно верный слову, отчего-то и не возжелал повинных «за Можай» гнать – «киркой махать», лишь только бросив: «Идите отдыхать». Да и желающих брать под белы руки да отправлять на муки мученические нарушившего министерский указ – повыше высокого приказ, в этот вечер не нашлось, никому праздником не стало. Кому охота доносить, когда и самому-то, может, после головы не сносить?..

Другой день тоже не навёл тень на плетень: с утра пораньше на лагерной вахте дежурного в том самом зарешёченном домике, что неизменно производит на всяк сюда входящего удручающее впечатление, по-обычному, старое было по-старому, а вновь ничего, не считая доклада конвойного гарнизона хозяину зоны. Всем дежурным нарядом и готовились: одних заявлений да рапортов с протоколами у суточной смены конца-краю нет, только знай отписывайся.

В то самое время и наша дорога от порога была в эту сторону – мир вам, и я к вам! – но мне и шага шагнуть к своему отряду не дали, сразу от самых ворот поворот, из дежурки на пару слов всем миром приглашают. Вместе с бессменным дежурным Колей Ревой ещё двое прапоров-орлов наготове стоят: рот до ушей, хоть завязочки пришей, да один другого здоровей, под горячую руку не попадайся. Кому неизвестно: где начальству чуть что не по нраву, этих орлов сейчас же туда и совали на расправу, спасайся кто может. Чтоб тебе ни дна, ни покрышки: неужто и впрямь разбудили мы лихо, пока оно было тихо?..

А меж тем – от века до века само спокойствие – исполинского вида Рева, обстоятельно достав из своего ржаво-облезшего сейфа конверт с победной, празднично-весенней маркой – откуда только и взялся, – таких даже днём с огнём не сыскать, и встал передо мной, можно сказать, как лист перед травой.

– Самого «законника» Ворона по концу срока освободили, – веско изрёк дежурный и, внимательно оглядевшись вокруг, после, как эстафету, из рук в руки и передал мне, что припечатал, конверт явно ещё прошлых лет. – По утрянке на волю и отбыл, а это от него лично тому, кто в нашем дому! – И на замызганном, сомнительной чистоты столе оказался для меня тетрадный в клеточку листок, где в клетках строк было два лишь слова: «Работай, брат».

2020